

АНДРЕЙ АНИСИМОВ

В. Васильев
«Вот так странно
представлялось
тогда, когда
Павел...»

ДЕТЕКТИВКЛУБЪ

ДЕТИ ПРИЗРАКА НАСЛЕДНИК

Призрак с Вороньего холма

Андрей АНИСИМОВ

Дети призрака. Наследник

«Автор»

2007

Анисимов А. Ю.

Дети призрака. Наследник / А. Ю. Анисимов — «Автор»,
2007 — (Призрак с Вороньего холма)

Время идет. На арену событий в Глухове, как и во всей России, выходят молодые. Кто наведет порядок в городе? И главное – какой? За кем будущее? За детьми Олега Голенева, "Призрака с вороньего холма", из команды нового мэра, – энергичными, образованными, с чистыми руками и сердцами? А может, за наследниками бывших хозяев города – бандитов, с их яростной жаждой мести? Или за молодыми националистами, уверенными в том, что решение любых проблем – в уничтожении всех "иноверцев и инородцев"? Схватка будет жаркой...

Андрей Анисимов

Дети призрака. Наследник

– Спартак отсосет! Спартак отсосет! Спартак отсосет! – Скандировали звонкие молодые голоса.

– Юноши, нельзя ли потише? – Взмолился старичок в свободной рубашке навывпуск и домашних тапочках. Дедушка пытался читать военные мемуары, но отроки, сидевшие спереди и сзади него столь громко проявляли свой темперамент, что читать он не мог. Поначалу его просьбу просто не слышали, а когда он тронул за плечо паренька с металлической серьгой в нижней губе, и еще раз предложил умерить пыл, мальчик ответил:

– Дед, ты чего? Будешь возникать, глаз на жопу натянем.

Старик побледнел, схватился за сердце и больше к молодежи с просьбами не обращался.

В составе пассажирского поезда Москва – Волганск почти весь вагон занимали фанаты – подростки от семнадцати до двенадцати лет. Их было слишком много, и они объединялись в стаю. Малочисленная же часть взрослых пассажиров существовала разрозненно и никакой реальной силы собой не представляла. Сознывая безнаказанность, пацаны возомнили себя полными хозяевами положения и не только отвратительно ругались, но и поднимали жуткий шум всевозможными, специально созданными для этой цели приспособлениями, в виде урчалок, жужжалок, погремущек, всевозможных свистков и дудочек. Проводница вагона во взаимоотношения фанатов с остальными пассажирами не вмешивалась. Даже если на подъездах к очередной станции, по ее просьбе, бригадир поезда вызовет наряд милиции, результата не будет. Всех подростков вытянуть из вагона не хватит времени, а задерживать поезд на напряженном горьковском направлении железнодорожное начальство не позволит. Оставалось только терпеть и ждать. Вот она и ждала, хотя догадывалась, что большинство из них путешествуют зайцем.

Тем временем, фанаты, усвершенствуя свои вокальные данные, входили в раж, распаляясь все сильнее. И когда высокий мужчина с густой шевелюрой темных, ниспадающих на плечи кудрей, встал и направился к солисту – мальчику с серьгой в нижней губе, на него внимания не обратили. Гражданин вошел в отсек к хулиганам, дослушал до конца кричалку – «Спартак мудака! Спартак сам себе враг! Спартак отсосет и будет так», развернулся и изо всех сил влепил пареньку с серьгой звонкую пощечину. Тот пошатнулся, и ошалело посмотрел по сторонам, ища поддержки сверстников. Мальчишки не сразу сообразили, что произошло, а когда сообразили, мужчина уже возвращался к своему месту. Около тридцати сорванцов вскочили ему вдогонку. Но поскольку проход в вагоне не слишком широкий, продвигаться беспрепятственно удавалось только нескольким из них. Остальные напирали сзади и, пытаясь пробиться к цели первыми, лишь создавали бессмысленную толкотню. Когда гневному авангарду удалось добраться до обидчика, он вынул из кармана пиджака машинку электрошока и дотронулся ей до разъяренных подростков. Те закатывали глаза, дергались и отключались. Гвалт мгновенно затих, и стало, наконец, слышно то, что бывает слышно в каждом вагоне – стук колес по рельсам, звяканье чайных ложечек о пустые стаканы и храп одинокого пассажира, умудрившегося спокойно дрыхнуть в этом аду.

– Дядь, ты их убил. – Не то спросил, не то констатировал пострел, до которого машинка не дотянулась, но психотерапевтическое воздействие оказала.

– Не бойся, голубь, через пять минут твои друзья оклемаются. – Пообещал мужчина. Все подростки, что колготились внизу или буйствовали на верхних полках, сгрудились у поверженных фанатов, с волнением дожидаясь от тех признаков жизни. Первым открыл глаза мальчишка с сережкой в нижней губе. Оглядев бессмысленным взглядом окружающий мир, спросил:

– Где я?

– Ты, отродье в общем вагоне пассажирского поезда. – Спокойно разъяснил постоявший за правду пассажир.

– Чего лаешься? Мы тебя не обзывали... – Насупился парень, избежавший действия электрошока.

– А кто же вы есть? – Владелец грозного оружия брезгливо скривил губу: – Во-первых, ведете себе как стадо бесноватых обезьян. Во вторых, одеты как малолетние бродяги, а не фанаты известной команды. В третьих, – достойным русским языком изъясняться не умеете, и не даете людям предаваться благодати дорожной, наслаждаясь пейзажем России.

Пока обидчик давал разъяснение, начали приходить в себя и остальные трое поверженных. Парнишка с серьгой уже полностью включил сознание и даже смог адекватно среагировать на слова мужчины.

– Ты чего, дядя? Какими на хер пейзажами? Какой на хер России? Ты чего, чокнутый.

– Это ты чокнутый, бесенок. За окном перед вами пейзажи великой страны, и эта страна называется Россией. Вот за кого вам бы стоило научиться болеть. А то орете глупости. Что должен отсосать ваш «Спартак»?

Подросток, что стоял в проходе ближе всех, похлопал ладошкой по ширинке на своих брюках:

– Вот, что это значит, дядя.

– Очень смешно. Я же говорю, что вы бесноватые мартышки. Думаете, раз вас много, значит вы сила? Теперь поняли, что вы просто стадо зверенышей. Стать силой я бы вас научил, да вот схожу скоро.

– Когда скоро? – Живо откликнулся обладатель сережки в нижней губе.

– В Глухове. – Ответил длинноволосый пассажир и снял маленький чемоданчик с верхней полки.

– И мы тоже! – Хором ответило несколько звонких голосов.

– Неужели в нашем тихом городе выросло столько недостойных птенцов? Не верю, голуби, мои.

– Можем ученические билеты показать....

– Покажите, хуже не будет.

Ребята потянули ему свои ученические книжицы. Он внимательно их рассмотрел:

– Ладно, кажется, не врите.

– Мы вообще, дядя, никогда не врем. – Обиделись фанаты

– Ну, что же, поскольку мы земляки, я готов уделить вам немного внимания. Но для этого, вы должны сейчас построиться, закрыть свои пасти и организованно покинуть вагон. Сумеете, я вас одену в настоящие костюмы фанатов, и научу не быть мартышками.

Поезд замедлил ход и вскоре остановился. На станции небольшого провинциального городка экспрессы остановок не делали. По этой причине даже состоятельные господа путешествовали в поездах пассажирских, где вагоны имели один класс – общий. На перроне состав простоял две минуты, но этого времени хватило, чтобы ватага подростков числом более полусотни, построилась и организованно выгрузилась на платформу.

* * *

В Бирюзовске к концу лета жара немного спала, но после средней полосы России к тридцати пяти градусам в тени нужно было привыкать заново. Сергей Скворцов довез Степана до дома и бывшие афганцы расстались. Прощались так, словно случайно встретились в магазине, а не вернулись из Глухова, где провели операцию не менее опасную, чем некогда под Канда-

гаром, Но дело сделано, бандиты уничтожены, Голеневу они помогли, и прощение пафоса не требовало.

Сергей позвонил к себе в квартиру, понял, что открывать не собираются, и достал ключи. В помещении давно не проветривали, но отсутствие жены и сынишки объяснялось тут же. В прихожей лежала записка, где супруга оповещала мужа, что она с сыном на даче. Сергей сообщению порадовался, поскольку прежде Наташа его дачу на море игнорировала, и он использовал ее лишь для «мальчишников» и то не часто. Решив, что вечером поедет туда сам, распахнул окна, впустив хоть жаркий, но не спертый воздух, и пошел в душ. Надрывный звонок телефона вынул его из ванной в мыльной пене.

– Привет Серега, давно не виделись. – Сообщил Волков, и Сергей почти увидел мрачную ухмылку Степана.

– Слушай, я в ванной. Позвоним минут через десять. – Попросил он.

– Сам, когда пену смоешь, позвони в офис кооператива. – Теперь уже откровенно усмехнулся Степан.

– А что там случилось?

– Кажется, Никулина похитили. Но зачем мне раньше начальства вникать. Звони и разбирайся.

«Вечно вы с обновкой» – Подумал Сергей и, вернувшись в душ, уже не расслаблялся. Наскоро ополоснувшись, позвонил в офис кооператива.

– Как хорошо, что ты вернулся, золотце мое! – Обрадовалась Фаина. Бывший бухгалтер теперь сидела в директорском кабинете, и Сергей догадался, что она и исполняет обязанности директора.

– Что там у нас с Никулиным? Это серьезно?

– Еще как серьезно. Ты бы, Сережа, приехал. По телефону, золотце мое, всего не скажешь. Я ужасно тебя ждала...

– Хорошо, сейчас еду. – Ответил Сковорцов и за секунду облачился в футболку и шорты.

Фаина, не смотря на свою полноту, оставалось невероятно подвижной и суетливой женщиной. Усадив Сковорцова в кресло, перед тем как начать разговор, несколько раз бегала заливать водой чайник, давала какие-то распоряжения в других кабинетах, возвращалась и снова выбегала. Наконец, Сергей получил чай и саму Фаину, которая все же уселась в кресло:

– Это ужасно! – Для выразительности закатив глаза, заявила толстуха: – Ты не представляешь, что мы все тут пережили! Словами этого не передашь, нервы просто горят. Думаешь, мне одной легко принимать решения, да еще когда дело касается таких денег...

– Фая, можно поконкретнее? – Взмолился Сергей. Эмоциональные пассы бухгалтерши его утомляли.

– Постараюсь, золотце мое. Вообще два дня назад Андрюша не вышел на работу. Ты же знаешь, золотце мое, какой он дисциплинированный и аккуратный мальчик!?

«Аккуратному мальчику» перевалило за тридцать пять, но Сковорцов решил не перебивать Фаину и, опасаясь, что ее унесет еще дальше от темы, бухгалтершу поддержал:

– Да, Фая, это я знаю.

– Конечно, знаешь, золотце... так о чем я говорила? Вспомнила, какой аккуратный работник Андрюша! И вот, представляешь, не вышел и не позвонил. Мы здесь не знали, что и думать! Домашний его телефон не отвечал, мобильный отключен. И так весь день. Вечером, в самом конце работы, сюда пришла Вика. Ты же знаешь Вику? Обычно из нее слова не вытянешь. А тут пришла вся в слезах и затараторила, как пулемет. Сообщила, что ее мужа похитили бандиты и требуют выкуп, что у нее денег нет, потому, что Андрюша выдавал ей на расходы ежедневно по двести рублей, и она не знает, как ей быть и что делать. А бандитом надо отдать полмиллиона долларов. Ты представляешь, при зарплате в сто пятьдесят тысяч, он жене двести рублей в день!!! Я не поверила! Но она божилась, что это так.

Сергея семейные проблемы молодого директора волновали мало. Он хотел знать, что предпринято для его освобождения:

– В милицию заявили?

– Нет. Ты, же золотце, Чуприянова знаешь. Он только похихикает... Мол, ваших похищают, денег много гребете. И потом, тебя, золотце дожидалась. Ты же наша служба безопасности. Но денег Вике я дала. Не губить же директора....

– Раз ты уже все сама решила, что от меня хочешь? – Разозлился Скворцов.

– Но, золотце мое, Вика деньги им отдала, а мужа ей не вернули. Найди Андрюшу, вот чего я от тебя хочу.

– С тобой, Фая не соскучишься. Если деньги отдали, бандитов и след простыл. Чего им еще нужно? А не отпустили мужика, значит убили.

– Типун тебе на язык, Сережа! Как убили? Откуда ты знаешь?!

– Я только приехал и ничего не знаю. Лишь предполагаю с твоих слов. Теперь начну расследование. – Раздраженно пояснил начальник летучего отряда и поехал к супруге похищенного директора.

Вика приняла бывшего афганца в потертом халате, в разрезе которого, когда нагибалась, отчетливо виднелась ее небольшая провислая грудка. А нагибалась она каждую минуту – то поднять бумажку с пола, то застегнуть сандалии. Скворцов краснел и отворачивался. Сама Вика слишком расстроенной не выглядела, скорее раздраженной.

– А мне что при муже, что без него. Андрей иногда неделями домой не являлся. У него работа, спорт, друзья... Наверное, и бляди, а я все время дома. И денег в обрез. Так, что мне и так не хорошо, и эдак плохо...

Сергей перебил:

– Как ты отдала им доллары?

– Как они просили, так и отдала. Положила в наш почтовый ящик. Через пол часа посмотрела, их там нет.

Скворцов поблагодарил Вику, вышел на улицу, уселся в машину и достал мобильный. Для начала, он решил собрать летучий отряд афганцев и посоветоваться, поскольку дельного плана с чего начать поиски Никулина у него пока не было.

– Дерьмо прорывает каждый день. Дворы забиты мусором. Газ взрывается постоянно. Коммунальный фонд на семьдесят пять процентов в аварийном состоянии. Я уже устал от жалоб, а работать некому. – В голосе начальника санитарного надзора Погребняка звучали нотки безнадежности. Постников сделал вывод:

– Как я понял, треть трудоспособного населения страдает алкоголизмом. Предлагаю найти средства на строительство реабилитационного центра, где больных людей будут лечить и наблюдать. Это даст двойной эффект. Кого-то вернем обществу, а остальных изолируем, не унижая их достоинства.

– Господин мэр, вы закончили? – Не без иронии поинтересовался директор молокозавода Паперный.

– По этой теме, да.

– В ваших английских университетах вы этого не проходили... Сразу хочу предупредить, если мы создадим рай для алкашей, туда потянется не треть трудоспособного населения, а три четверти. Во всяком случае, мужики побегут все.

– Почему вы так думаете? – Осведомился Постников.

– Потому что каждый русский мужик в душе пьянь. Нельзя же всех поселить в подобный центр, или для них прикажете отдельные микрорайоны строить...

В кабинете мэра города Глухова третий час шло совещание. В кресле хозяина кабинета сидел Юлий Постников, за рабочим столом собрались сыновья Голенева – Саша, Тема, Леня и старые кадры администрации – руководители городских служб и директора крупных компаний. Это было первое совместное совещание команды молодого градоначальника с теми, кто правил городом раньше. Олег Голенев пристроился в уголке и ни во что не вмешивался. Он вообще не хотел приходить, но Юлик просил поддержки, и он согласился. Сегодня Олег впервые познакомился с генеральным директором своей собственной компании Отто Вербером. Именно ему он обязан, тем, что Мака Соловьева не сумела украсть все его деньги. Это был совершенно седой мужчина, но безупречно выбритый, и для своих лет весьма подвижный. Единственную вольность, что Макс Оттович позволил себе по возрасту – устроился на диване. Пожилому немцу следить за спором «отцов и детей» там было удобнее. Тема алкоголизма не оставила старика равнодушным:

– Господа не все есть так безнадежно. – Бросил он реплику с дивана: – Я готов иметь согласие с Юлием Тихоновичем и не против участвовать в строительстве центра для реабилитации любителей Бахуса. (умно для немца) В моем предприятии работают пять тысяч трудоспособных единиц. Две тысячи из них есть мужчины. Прогулы связанные с пьянством у нас имеют место, но являют чрезвычайное событие..

– А у меня каждый месяц после получки почти весь мужской контингент лыка не вяжет. – Сообщил Паперный: – По три дня на работу не выходят. А выйдут, думают не о деле, а о похмеле.

– А какова есть ваша средняя зарплата? – Полюбопытствовал немец.

– Три с половиной тысячи.

– А у меня пятнадцать. Вашей зарплата только на водку и хватает. Что же вы желаете хотеть?

Паперный вскочил с места:

– У вас цемент, кирпичи, плюс торговый комплекс областного масштаба! А у меня – и он с трудом удержался, чтобы не выругаться – молоко для школьников и домохозяек. С какого хрена я им буду платить больше?

– Там где молоко, можно сырок наладить, сметанку. – Мечтательно произнес Погребняк, с удовольствием отвлекаясь от проблем канализации и городских свалок мусора.

– Сметанку. Сырок, говоришь?! А из чего? Где коровы? На две деревни одна коровенка, если осталась чудом, от нее молока соседи в очередь ждут. Отучили народ работать... Вот самогон в каждой избе гонят. Скоро им новорожденных станут выкармливать.

А мне тут некоторые платить людям больше предлагают. Это разве люди!

Постников постарался скрыть раздражение:

– Успокойтесь, господин Паперный. Сядьте на место. Чтобы платить больше, надо думать, а не кричать. – И обратился к помощнику: – Тимофей Олегович, завтра езжай на молокозавод, подними бумаги, посмотри технологии и выдай свои рекомендации для повышения рентабельности. Срок три дня. Теперь о преступности. Что происходит в городе, господин Белянчиков?

Пожилой следователь, исполняющий последние два года обязанности начальника ГУВД, тяжело вздохнул.

– Что происходит? Грабежи, хулиганства, массовые драки подростков. Особенно достали, так называемые, футбольные фанаты. Огромными бандами едут в Москву и там устраивают побоища. Никакие существующие меры на них не действуют.

Юлик что-то записал в ноутбук:

– Значит надо искать новые. Завтра доложите конкретную обстановку Леониду Олеговичу, и постарайтесь вместе найти решение.

Секретарша Юлия, которая работала еще при отце Постникова, заглянула в дверь и попросила мэра взять трубку. Постников кивнул, выслушав сообщение, бросил «разберемся» и повернулся к начальнику городского отдела здравоохранения:

– Анатолий Борисович в больнице массовый завоз с отравлениями. Почему не доложили? Почему меры не принимаете?

Пожилый чиновник от медицины развел руками:

– О чем тут докладывать, Юлий Тихонович? Ситуация штатная, все те же алкоголики... Пьют жидкость для тараканов. Какие к ним можно применять меры? В больнице стараются, отказывают, часть помирает. А объяснить им ничего нельзя.

Паперный отрывисто рассмеялся:

– Согласить, господин Постников, в Англии вам и в страшном сне не могло присниться, что люди по своей воле пьют отраву для насекомых!?. А теперь вы работайте с таким народом.

Постников отреагировал спокойно:

– Не вижу ничего смешного. Это еще раз говорит о верности тезиса о специализированных центрах. Людей надо лечить. Уверяю вас, нет проблем, не имеющих решение. Главное их обозначить.

Затем разговор перешел о покупке новых автобусов для городского парка. Спорили где покупать, и у кого...

Олег Голенев сидел в углу кабинета, слушал и не слышал, о чем говорили за столом. Бывший афганец не мог поверить, что все происходит наяву. Всего несколько дней назад он не знал, сумеет ли выжить. В Глухов он вернулся инкогнито и обнаружил на месте своего дома обгоревшие развалины. На пожарище бандиты устроили ему засаду. Вместе с друзьями афганцами Сережи Скворцова он бандитов уничтожил – подорвал в подвале своего сгоревшего дома. Их тела так и остались лежать, погребенные под тоннами породы. И лишь оторванная взрывом голова бандитского пахана, Ибрагима Казиева, вместе с камнями, вылетела наружу. Поддержать Олега в схватке с солнцевскими братками пришли тысячи горожан. Победителя подняли на руки и понесли к особняку Маки Соловьевой. Эту женщину жители Глухова ненавидели. Голенев тоже имел основания для ненависти. Притворяясь другом, Мака погубила дорогих ему людей. Олег вошел к ней в дом с оружием, но выстрелить не смог. Акт возмездия совершил другой человек, у которого эта женщина отняла жену и дочь. Павел Вислоухов застрелил Маку, потом себя. У ворот особняка Соловьевой начался стихийный митинг. Сквозь толпы горожан к Голеневу с трудом пробились жена и его парни. Близких он оставил в Англии и никак не ожидал здесь увидеть. Узнав, что в город вернулся молодой Постников и сыновья Олега, земляки повели их обратно в центр города и на руках внесли в мэрию. Испуганные чиновники растерялись. Народ требовал, чтобы Юлик Постников занял кресло мэра. Во избежание кровопролития стороны пришли к соглашению – Юлий Постников принимает должность на шестимесячный испытательный срок и назначает выборы. Если горожане проголосуют за него, продолжит работу. Нет – отдаст кресло победителю. Мечта бывшего афганца стала явью. Он заработал много денег, взял из детского дома сирот, увез их за границу, дал образование, и высококлассными специалистами вернул в родной город. Какой крови это ему стоило, скольких друзей он потерял, но мечту осуществил. И вот он присутствует здесь и наблюдает, как Юлик и его сыновья начинают работу. Не было среди них только Мити. Художественная натура мечтательного парня службы чиновника противилась. Пока Митя пошел работать в газету, а на сколько там сына хватит, Олег не знал. Потом вспомнил о звонке Сергея из Бирюзовска. Странное исчезновение директора его кооператива хоть и затрагивало интересы акционера, но сейчас ехать на Юг и помогать Сергею в розысках он не мог – опасался оставлять молодых руководителей без опеки. Не без труда погасив поток размышлений, заставил себя сосредоточиться на происходящем. О чем шла речь за столом, он прослушал. Включился, когда Юлик продолжая совещание, перешел к следующему вопросу:

– Теперь о финансах. Господин Волоскин, почему ваш банк задерживает выплаты матерям?

Банкир собрался ответить, но за окнами поднялся шум.

– Что за крики на улице? – Возмутился Постников. Леня вскочил с места и выглянул на балкон. Вернувшись, сообщил:

– На площади толпы народа. Похоже, опять стихийный митинг. Граждане Глухова требуют тебя и отца.

– Хорошо, выйдем к людям все вместе. – И Постников повернулся к старшим коллегам:

– Поднимайтесь, господа. Народу отказывать нельзя.

Вербер устало улыбнулся

– Если наш мэр будет разрешать, старики посидят в кабинете. Народ желает смотреть молодежь.

Олег вместе со своими парнями, вышел на балкон. Внизу раздался радостный рев. В первый рабочий день мэра глуховчане снова вышли поддержать его и молодую команду. Многие размахивали плакатами: – «Голенев мы с тобой», «Привет Постников!», «С возвращением капитан», «Ребята мы вам верим!!!»

На площади начали скандировать: – Голенев! Голенев!

Олег поднял руку, и толпа смолкла:

– Дорогие земляки, вашей помощи пока не нужно. Но раз вы здесь, хочу попросить о терпении. Мои парни еще очень молоды и способны ошибаться. Надеюсь, что вы поначалу не будете слишком строгими. Что я вам обещаю – воровать, брать взятки, и разбазаривать городскую казну они не будут и загаживать родную природу никому не дадут.

Одобрительный гул пронесся над площадью. Олег вытер лоб платком и подтолкнул Юлика. Молодой мэр дождался, пока люди затихнут, и сказал:

– Друзья, раз в неделю я буду принимать граждан города, чтобы узнать ваши беды и выслушать ваши советы. А теперь, мне надо работать. Пожалуйста, расходитесь.

Его послушались. Через пол часа площадь опустела. Совещание продолжалось до конца рабочего дня. Ничего утешительного Постников не услышал. Провинциальный город погряз в проблемах, которые не решались годами. Отпустив стареющих бюрократов, он с облегчением вздохнул. Со своими ребятами ему было куда проще. Сам Голенев едва держался на ногах:

– Знаете парни, легче одному пойти в атаку на банду «духов», чем отсидеть тут день с вами.

– Сейчас мы закончим, дядя Олег. Спасибо что поддержали. – рассмеялся Юлик, и тут же очень серьезно обратился к помощникам:

– Джентльмены, сегодня четверг. К понедельнику жду от вас сводку – потоки бюджетных средств, криминал, коммуникации, транспорт, школы, суд. До понедельника исчезаю.

– Куда это ты намылился? – Насторожился Леня.

Юлик покраснел:

– Это личное. – И не дожидаясь дополнительных вопросов, исчез из кабинета... Выйдя из парадного, молодой мэр быстро перебежал площадь и уселся в междугородний автобус. Когда Голенев с сыновьями вышли на улицу, его и след простыл

Из мэрии мужчины шли пешком... Прохожие улыбались им и пожимали руки. Не смотря на усталость, настроение и у Олега и у ребят оставалось приподнятым. Они знали – дома их ждут за накрытым столом. Завершение первого рабочего дня начинающих чиновников требовало, хоть небольшого, но праздника.

Скорбное действо, происходящее на знаменитом кладбище в Переделкино, на первый взгляд напоминало обычные бандитские похороны – много венков, толпа крепких парней в черном, гроб красного дерева с позолоченными ручками и молодой батюшка, готовый произвести подходящие моменту молитвы. Необычным был лишь сам мертвец. В шикарном гробу находилась только его голова. Оставшееся, предназначенное для тела, место занимало задрапированное черной тканью и набитое опилками чучело. У могилы, наследник усопшего клялся отомстить за безвременно почившего родителя:.

– Папа, спи спокойно. Падлой буду, достану гада и ему не жить. Это я тебе обещаю, твой сын, Руслан.

– О чем он поет? – Шепотом спросил Толя, по кличке Чурбанок, у долговязого соседа, вора домушника, по прозвищу Цапля. Толя несколько дней назад вернулся с зоны, и о последних «подвигах» банды знал мало.

Цапля нагнулся к уху Толи и зашептал:

– Долгая, бля, песня, в трех словах не выложишь. Короче, Казиева замочил один мужик. Говорят бывший афганец.

– А хули они не поделили?

– Говорю, долгая, бля, песня. Там баба замешана, Мака Соловьева. Слыхал о такой?

– Нет. В зоне о ней базара не было.

– Короче, Ибрагим Казиев связался с крутой блядью, этой самой Макой... Не трахал, а так, по капусте. Эта сука решила в Думу баллотироваться. Короче, подалась в политику, курва. А сама в любовницах у того мужика ходила. Короче, когда тот мужик ее на хер послал и на другой женился, она и открыла Ибрагиму – этот мужик когда-то давно замочил его брата Алехана Казиева.

– Какой мужик?

– Ты, что, не врубился? Ну, тот бывший афганец.

– Который эту Маку трахал?

– Он самый. Вот и понеслось. Короче, теперь и телки нет, и Руслан сиротой остался. Там как при Сталинградской битве, жмуриков ни счесть. В натуре, сегодня даже хоронить некого, одна башка от пахана осталась.

– А кто Ибрагима замочил?

– Совсем тупой? Я же сказал, солдатик с Афгана. Крутой мужик, бывший хахаль этой бляди, Маки Соловьевой..

– А хули здесь поп делает? Пахан, кажись, из чурок...

– Тише ты... Это отец Никодим. Короче, Мака Соловьева в той дыре приход держала.

– В какой дыре?

– Ну, бля, в той где, солдатик пахана замочил. Кажется, бля, Глухов городишка называется... И эта сука, короче, от туда.

– Какая сука?

– Та, что афганца Казиеву сдала. Это ее батюшка. Говорят, он ее тоже трахал.

– Погоди, братан... Кто кого трахал? Афганец батюшку?

На них зашикали. И Цапля замолчал. Батюшка поднял руку, требуя внимания. Дождавшись тишины, заговорил негромким проникновенным голосом.

– Братья и сестры, мы хороним останки человека, который отдал жизнь за святую женщину Маку Соловьеву. Покойный не верил в нашего Бога. Так, что я пришел сюда ни как священник, а как мирянин к другу и соратнику моей прихожанки. Сейчас Ибрагим Казиев отправится в последний путь и снова встретиться с ней. Пусть земля ему станет пухом, а в памяти нашей его образ сохранится навечно.

Батюшка не довел до сведения близких и друзей покойного, что уже неделю не имеет права облачаться в рясу. Его главная прихожанка Мака Соловьева подвела его и после соб-

ственной гибели. Правда, тут он сам был виноват – решил не дожидаясь положенного исторического срока возвести Соловьеву в ранг святых мучениц Православной Церкви. Получив прощение Никодима о приобщении к лику святых сомнительной репутации дамы полтика, Патриарх личным указом отлучил его от церкви. Но здесь это обстоятельство ни для кого принципиального значения не имело. Бандиты знали – отец Никодим состоял в ближайших сподвижниках Соловьевой и считался, после Казиева, первым доверенным лицом ее избирательной компании. Бывшая проститутка мечтала о политической карьере. После отца Никодима больше говорить речей никто не стал.

Под всхлипывания вдовы, гроб запечатали крышкой и опустили в могилу. Побросав комья свежей глины на красное дерево гробовой крышки, бандиты и их пассии посчитали действие законченным. Толпа медленно двинулась к выходу. Вдову и сопровождающих ее женщин увезли на микроавтобусах. Мужчины уселись в лимузины и двинули в другую сторону. Батюшка покинул могилу последним. Когда он подошел к воротам кладбища, все уже разъехались. Отставной священнослужитель уселся в черный «Мерседес» и, захлопнув дверцу, бросил шоферу:

– Домой в Глухов.

– А вы, батюшка, на поминки не останетесь?

– Не гоже мне за одним столом с бандитами пировать. – Ответил разжалованный священник. Водитель тронул с места и больше вопросов не задавал.

Провинциальный русский городок Глухов неспешно купался в лучах теплого безветренного заката. Те, кто кончили работать, не спеша двигали домой. На небольшом скверике, возле двухэтажного домика Руфины Абрамовны Меджрицкой, бабки кормили голубей и выгуливали внуков. К Руфине Абрамовне тоже пришли ее «внуки» – ее бывшие воспитанники. Скоро они сдадут последние экзамены и разъедутся кто куда, а пока навещают бывшую директрису каждую неделю. А с тех пор, как у нее отказали ноги, выносят гулять. Вот и сегодня ее в кресле-каталке вынесли на улицу. Вынесли шесть рослых парней, и три девушки, которых в этом году поглотит настоящий, реальный мир. Тот, что начинается прямо за забором ее детского дома. Руфина Абрамовна уже несколько лет там не работает, а самой не верится. Тридцать семь весен, тридцать семь зимних месяцев и столько же осенних она оставалась настоящей мамой сотни мальчишек и девчонок, родных мам по разным причинам не знавших. Поэтому и они приходят к ней не по принуждению, а как к родному человеку за теплом и лаской. И она по-прежнему и того и другого отпускала вдоволь. Она и думает только о них. Каково придется ее воспитанникам в стане людей? Вот и эти парни, на руках спустившие ее в кресле на прогулку, каждый день посещают город, и забор для них, лишь ограда от бестолковых прохожих. Но мудрая старая еврейка понимает, что это далеко не так. Забор детского дома пока служит им стальным щитом от всего жестокого, черствого и эгоистичного. Это они здесь, за забором «Все за одного». А там снаружи «Каждый сам за себя». Там снаружи придется скалить зубы, чтобы самого не укусили. Много чего придется «ТАМ СНАРУЖИ», за этим забором детства.

– Руфина Абрамовна, вы сегодня «Комсомолку» читали? – Спросила Маша Кулакова – девушка с челкой на манер моды первых сталинских пятилеток.

– Не успела, Машенька, а что там пишут? – Ее бывшие воспитанники до сих пор были уверены, что она по утрам прочитывает все центральные газеты и местную «Новости Глуши». А она уже далеко не каждый день берет газету в руки: – Так, что же там уже пишут детка? – повторила она свой вопрос.

– Странные вещи пишут, Руфина Абрамовна. Оказывается грузинские и молдавские вина отравы! И правительство запрещает ввозить их к нам. Я, по винам не специалистка, но прак-

тику прохожу в городской больнице. Алкашей каждый день откачиваем. Но чтобы они грузинским или молдавским вином травились, ни разу не слышала. В основном пьют ядовитую техническую дрянь, которую на спиртах делают. Вот и травятся.

– Вот ты о чем девочка. – Задумчиво проговорила бывшая директриса приюта сирот: – Это я по радио тоже слышала. Даже выступление главного санитарного врача застала. Он и рассказывал про яды в винах наших вечных поставщиков. Стыдно мне за него...

Молодой человек в бейсболке цветов российского флага проблему видел по-иному:

– Руфина Абрамовна, а с другой стороны, эти черные ради своей наживы на все готовы. Я, например, вполне допускаю, что они вино разводят до неприличия. Иначе откуда ему взяться в таком количестве? Согласитесь, Руфина Абрамовна, пора за этих чурок браться. Пускай убиваются домой. Здесь наша земля. Надо чтобы на русской земле жили русские.

Руфина Абрамовна сухими старческими руками резко затормозила колеса своего кресла. Ребята пытались катить его по инерции, но поняв, в чем дело, прекратили. Лицо Меджрицкой выражало крайнюю степень волнения. Она внимательно посмотрела в лицо парня. Заметила круглый значок. На белой эмали стояли три буквы «РДР». Протянула руку, ткнула в значок и спросила:

– Очередная организация «за чистоту расы»? – Парень ничего не сказал, но густо покраснел. Не дождавшись ответа, Меджрицкая заговорила, подбирая слова, как подбирают камни для драки:

– Сергей Ракошин и это ты, которому я, таки, ставила же пятерки за разбор прозы великого Лермонтова. Тогда почему же ты меня, старую еврейку, не сбросишь в первую попавшуюся яму, а катаешь по скверу. Если же на этой земле кроме русских никто не смеет жить, таки убей меня!

– Ну, зачем вы так, Руфина Абрамовна... – Смутился парень: – Вы это совсем другое дело. Вы наша...

– Это я для тебя «наша». А для твоих единоверцев, тех, кто таки не знает, что я почти сорок лет билась за сирот и их право выходить из интерната полноценными же гражданами страны, что я таки кормила вас и на свои деньги, тратя всю зарплату на продукты. Потому мне, таки, не наплевать умрут ли русские сироты с голоду, или я смогу их хоть немного подкормить.... Для черносотенцев, которые это не знают я, таки, просто старая жидовка, отнимающая пенсию у пенсионерки русской.

– Он же про кавказцев. – Уточнила Маша, стараясь опустить тему на тормозах. Но реакцию ее слова возымели обратную:

– Все, таки с меня хватит. Везите меня домой, и чтобы, таки я вас больше у себя не видела!

Проказами большего наказания ребята заслужить не могли. Отлучение от дома бывшей директрисы воспринималось как черная метка на нравственности молодого человека. Таких в детдоме сторонились. Поэтому неудивительно, что юноши и девушки набросились на Сергея, и тот ретировался. Остальные умалили Меджрицкую столь жестоких санкций к ним не применять. Руфина Абрамовна смиловилась, и разрешила своим бывшим воспитанникам, занести ее вместе с креслом назад в квартиру.

Обычно на дорожках парка подмосковного «Дома Творчества» после ужина наблюдалась оживленность. Литераторы старшего поколения совершали вечерний прогулочный моцион, те, что помоложе, направлялись к бару, представители среднего поколения спешили к бильярдной или, перед тем как уединиться в своих номерах и творить очередные нетленки, оживленно беседовали на пяточке у главного входа. Сегодня же территория дома творчества словно

вымерла. Ни в баре, ни бильярдной, ни в парке никого – литераторы затаились по своим номерам и на улицу носу не казали. Слух о том что на писательском кладбище хоронят солнцевского авторитета, а вечером в доме творчества намечается поминальный сходняк бандитов, разнесся еще днем, Местный бар солнцевские братки облюбовали давно, и к небольшим порциям подобной публики литераторы привыкли. Но массового схода бандитов в своем заповеднике они еще не проходили, и, не сговариваясь, решили держаться от греха подальше. К семи вечера в ворота один за другим, стали закатывать лимузины и джипы. Из салонов иномарок неслась громкая музыка и еще более громкий мат. Прибывшие господа не ссорились, а лаялись по привычке, поскольку их речь на девяносто процентов состояла из мата, и лишь оставшиеся десять несли смысловую нагрузку. Выбравшись из авто, они сразу же направлялись в бар и по хозяйски размещались за столиками. Барменша Марина с бледным напряженным лицом представляла перед гостями стаканы с водкой и бутерброды с красной рыбой. В баре курить не полагалось, но курили все, и она замечаний не делала. Хозяйка стойки прекрасно понимала, что и так рискует каждую минуту. Одно неосторожное словцо могло сделать ее пожизненным инвалидом. Парни оживленно беседовали, но к водке никто не прикасался. Внезапно все замолчали и повернули головы к дверям. На пороге возникли двое. Невысокий человечек с бледным лицом, лишенным признаков мужской растительности и облаченный в куртку на несколько размеров больше, чем требовала его миниатюрная фигурка, ухватил под руку молодого человека на голову выше себя. Юноша был одет в великолепный темный костюм, а его крепкую шею украшала золотая цепь, способная удержать взрослого терьера... Коротышка схватил с ближайшего столика стакан, протянул его юноше, затем взял другой для себя, и тяжело оглядев присутствующих, зловеще произнес:

– Помянем Ибрагима. – Все молча выпили и торопливо закусив, опять устались на коротышку. Тот вытер рот платком, выдержал паузу и похлопав по плечу молодого человека, продолжил с той же зловещей интонацией:

– Вы все знаете, кто перед вами. Это сын Казиева, Руслан. Он уже мужчина и за смерть отца готов ответить. Но один пацан, сухой буду, не справится. Спрашиваю всех – поможем парню, или это нас не колышет?

Реакция присутствующих оказалась сдержанной. Бандиты чесали бритые затылки, переглядывались и молчали. Наконец, один из них по кличке Рябой подал голос:

– Бледный, мы из-за Казиева и так потеряли братанов. О покойниках плохо говорить за падло, но я скажу. Ибрагим поднырнул в политику. А нашему брату, вору, это ни в кайф. Хули нам до них? Там своя малина, у нас своя. Пока не торчишь поперек власти, жить можно. Даже на киче можно. А стоит хлебало раскрыть у их корыта, тут, бля, все и начинается. Я бы пока залег.

– По твоему, пацан сам должен отдуваться. – Спросил бледнолицый коротышка, с трудом зацепив короткой ручонкой плечо Руслана. Рябой продолжал стоять на своем:

– Я отбазарил. Пусть теперь другие репу напрягают.

Другие молчали. Бледный подошел к стойке, поставил перед барменшей пустой стакан, дождался, пока Марина его наполнит и вернулся к Руслану:

– Вот, что, братва... Пока не надумаете по закону жить, я общаг прикрываю. Ни одного хрустика никто не получит. – и залпом влил в себя водку. За столиками поднялся гул. Братки переговаривались между собой, решая как отреагировать на угрозу коротышки. Бледный держал общаг банды у себя и его угроза звучала реально. Слово взял Крот. Уголовник со стажем слыл среди подельщиков мозговитым и осторожным. Зря не рисковал, но если уж шел на дело, в трусости уличен не был.

– Не залупайся, Бледный. Казначей мы можем и переизбрать.

– Я, за! – Громко отозвался молодой уголовник по кличке Гуля. В банду он вошел недавно, но чувствовал себя излишне уверенно.

– Ты «за», сучонок? – Переспросил Бледный. – И не дожидаясь ответа, выстрелил в пустой стакан парня. Разлетевшиеся осколки ранили бандиту руку. Из ладони брызнула кровь, но ему никто не помог и, даже истерический крик барменши Марины, реакции у бандитов не вызвал. Бледный выразительно посмотрел на женщину, и та прикусила язык. Крот продолжил, как ни в чем не бывало:

– Ты, казначей, не прав, что на понт начал брать, но и братки не правы. Мы не фраера, и кантоваться надо по закону. Пусть Казиев залупнулся, все равно он наш пахан, а его кончили. За смерть пахана, сукой буду, ответим. Но советую не спешить.

– Что ты, Крот, предлагаешь? – Поинтересовался коротышка, убирая ствол в задний карман брюк.

– Выделим пяток урок, пусть вместе с Русланом валят в этот пизодрищенск Глухов. Оглядятся, затырятся в народ. А мы здесь подождем, исходя из их базара, покумекаем, как лучше до солдата добратся. Может и чужого мочилу с оптикой на дело послать. Мокруху надо с умом готовить. Воевать с ним уже пробовали – себе дороже. А за одно, пометим, что там плохо лежит. Этот фраерок бабок наквасил столько, что нам всем под завязку. Глядишь, и отщипнем пайку. А начинать надо ни с солдата, а с Пятака. Он воровскую честь продал, и перо в натуре заработал.

Бледный не возражал:

– Кого советуешь в гастроль отправить?

– Пусть Руслан выберет. Короче, это его фарт. – Предложил долговязый худой домушник Цапля. Совет Цапли приняли единогласно. Еще пол часа ушло на выбор нового авторитета, которым и стал Бледный коротышка, после чего началась пьянка. К трем утра посетители вывалились из бара и, оглашая дом творчества оголтелым матом и гоготом, двинулись к автостоянке. Рассаживались по машинам долго. Не все водители твердо держались на ногах. Наконец, охранники распахнули ворота, и автокараван вырулил на улицу Погодина. Все лимузины двигались в одну сторону. Дорога в Солнцево пролегла мимо знакомого кладбища, дальше к железнодорожным путям и через деревню Чоботы, на главный проспект микрорайона. Проезжая кладбище, лимузины отсалютовали покойному пахану протяжными гудками своих клаксонов и уже вывернули к переезду, когда прогремел первый взрыв. На части разлетелся головной БМВ. За ним полыхнул Опель, за Опелем два Джипа. Последним бабахнул замыкающий Крайслер. Грохот искореженного железа и зарево пожара еще долго витали над Переделкино и его окрестностями. Разбуженные писатели подбегали к окнам, но кроме далеких отблесков огня ничего не вдели. Старый парк ветвям вековых деревьев скрыл от тружеников пера финальный аккорд поминального схода. И лишь барменша Марина ничего не слышала. Выпроводив гостей, она смыла кровь от порезанного осколками стекла бандита, выпила сто пятьдесят коньяка, улеглась на тулуп, брошенный на ящики в подсобке, и мгновенно уснула мертвецким сном.

* * *

На острове «Sheep s Head», что переводится с английского как «Голова Барана» один день отличался от другого только погодой. Сегодня с утра море успокоилось и рыбаки, что вернулись с промысла, без труда выгрузили сельдь из своих баркасов. Тодди с дочкой не могли пожаловаться на улов. Рыба шла в сети крупная, за которую перекупщики давали больше, и покупали охотнее. Разделавшись с рыбой, Кристина наскоро ополоснулась в баньке и побежала на кухню. Отец уже сидел за столом и потягивал свое неизменное пиво. После завтрака девушка чинила сети, но трудилась рассеянно. В ее возрасте рассеянность и влюбленность почти синонимы. Поэтому ничего странного в поведении юной английской рыбачки не было, если не считать, что предметом ее лирических мечтаний стал парень из русского провинциаль-

ного города. Юношу звали Юликом Постниковым, он обучался в университете на полуострове Гоувер, и попал на «Бараний остров» случайно. Этот случай и привел к частой рассеянности Кристины. По прибытию в Россию Юлик тут же отправил ей письмо по электронной почте. Оно было коротким и заканчивалось вопросительным знаком – . «Хочешь, чтобы я приехал»?

Она ответила одним словом «да». Девушка даже себе не хотела признаваться, что очень волнуется за друга. Она знала, что у его близких на родине возникли серьезные проблемы. Кристина по вечерам внимательно слушала европейские новости. Там часто проходила информация о России, и ничего утешительного в ней не сообщалось. А тут еще эта история с отравленными русскими в Лондоне. Кристине иногда казалось что в далекой родине ее бойфренда живут одни убийцы и отравители.

Тодди подошел к дочери и минуту стоял, наблюдая за ее работой.

– О селедке надо думать, а не о парне.

Девушка вздрогнула и обернулась. Голос отца звучал сердито, а глаза улыбались. Он погладил ладонью свое необъятное брюхо, выдающее любителя пива, повернулся и пошел к дому. Кристина его догнала:

– Отец, ты что-то от меня скрываешь?

– Я? – Глаза у Тодди были как и у нее голубые, и хоть он пытался изобразить удивление, притворяться, как и она не умел. Тут же расхохотался: – Ладно, дочь, пошли поговорим.

– О чем папа?

– Не спеши. С судьбой, как с сельдью, торопиться нельзя. Забросишь сеть раньше времени, вытащишь пустую.

– Как скажешь, отец.

До дома дошагали молча. В гостиной Тодди ее спросил, ты почту в компьютере утром смотрела?

– Вчера вечером. А что?

– Иди почитай.

Кристина убежала в свою комнату. Включила компьютер, набрала код своего электронного адреса. В почте имелось непрочитанное письмо. Она вывела его на экран дисплея. Русский парень писал: – «Дорогая моя рыбачка, наши семейные проблемы улажены. Я очень хочу тебя видеть. Вылетаю. Надеюсь, что ты меня еще не забыла. Твой Юлий».

Кристина посмотрела на время и, поняла, что Юлик уже в Англии, выбежала из комнаты и бросилась к отцу.

– Как ты узнал? Ты смотришь мою почту?

– Зачем мне твой ящик?! Русский не получил ответа и позвонил ночью. Я с ним разговаривал.

– Почему ты мне раньше не сказал?

– Сказал бы, ты мне утром не помощник. А так мы взяли центнер сельди. – Простодушно признался отец: – А теперь сядь и слушай.

Кристина послушно опустилась на стул. Тодди вынул из холодильника бутылку пиво, не торопясь отомкнул крышку, и сделал большой глоток из горлышка.

– Ну, папа, я же жду... – Поторопила дочка.

– Подождешь. – Проворчал Тодди. И, промокнув губы полотенцем, заговорил:

– Вот, что дочь. Я знаю, что Олег Голенев богатый человек. Но мы, наша семья никогда за чужим богатством не бегали. Поэтому как у вас теперь принято, не вздумай прыгать парню в койку. На острове люди живут по старинным правилам. Нарушишь, тебе до конца жизни не простят. А остров наш дом.

– Папа, да я с ним даже не целовалась. Зачем ты мне это говоришь?

– На всякий случай. И еще... рыбак из твоего парня не выйдет. Если у вас серьезно, тебе придется ехать с ним. А что такое Россия, ты уже знаешь. Там каждый день кого-то убивают. Особенно богатых. Так, что хорошенько подумай.

– Может, он и не собирается на мне жениться?

– Тогда зачем летит? Дорога не близкая. Раз летит, значит, приспичило.

– Что ты о нем, как о баране?

– Когда приспичит, мужик от барана не так уж сильно отличается.

Кристине очень хотелось поддеть отца, сказав, что он судит по себе, но вовремя удержалась:

– Отец, Ты же давно знаком с этим богачом Голеневым. Расскажи о нем.

– Что ты хочешь услышать, дочка?

– Почему он вместе со своими сыновьями привез Юлика.

– Понятно... А уж думал тебя сам Олег интересуется...

– И Олег тоже.

Тодди закурил вонючую маленькую сигарку и, выпустив дым, снова глотнул пива:

– Мы не так уж часто встречались. Когда я приплывал в Сванси, своих дел хватало. – Кристина догадывалась, что отец называл делами. В городке он встречался с женщиной по имени Маргарет, которая принимала у себя не только Тодди. Это была дама по телефонному вызову, и овдовевший рыбак пользовался ее услугами, как и другие. Но за много лет привык к платной любовнице, и у них сложилось нечто вроде лирических отношений. Но сейчас связь отца Кристину не волновала. Она ждала Юлика, и судьба молодого человека занимала ее по-настоящему.

– Но все-таки, мистер Голенев что-то о себе рассказывал?

– Он бывший солдат. А такие много не треплются. Что я тебе могу сообщить? Твой дружок Юлий рано потерял отца. Мама у него жива, я ее тоже один раз видел. – Тодди загасил окурок и помолчал, словно что-то вспоминая: – Она вполне достойная дама. А погиб отец Юлика от рук русской мафии. Темная история, как все что связано с политикой. Отец Юлия стал первым мэром их города. Случилось это, когда Горбачев покончил с Империей зла и русские завели демократию. Старые чиновники не хотели перемен и вместе с бандитами подстроили своему мэру несчастный случай. А организовала все это женщина. Мистер Голенев много лет считал ее своей подругой. Кажется, она из бывших шлюх, вроде моей Маргарет. Но Маргарет женщина добрая, а та сама дьявол в юбке. Я ее видел несколько раз, когда она к нему приезжала. Очень странная особа. Вроде и красивая, а что-то в ней от змеи. Она и оказалась змеей. Это ее подручные вместе с чиновниками убили отца твоего парня. А мистер Голенев и отец Юлия друзья детства. Вот он и взял сына друга, вместе со своими сыновьями к нам в Англию. Когда мистер Голенев женился на молодой, его приятельница показала свое истинное лицо. Это от ее гангстеров мистер Голенев спрятал близких на нашем острове. Так ты и познакомилась с Юлием. Как они все отсюда сбежали, тебе виднее. Ты им сама помогла. А мистер Голенев уехал в Россию раньше. Ему предстояла настоящая война с его бывшей приятельницей.

– И где теперь эта змея? – Спросила Кристина. –

– Откуда я знаю? Приплывет Юлий, сама у него спроси.

– Хорошо, спрошу.

– Теперь поняла, что ехать в эту страну, опасно?

– Я пока не думала уезжать в Россию, папа.

– А уж здесь я тебе не советчик. Решай сама. Но сначала празднуйте свадьбу. – Тодди разделался с пивом и посмотрел на часы: – А сейчас приоденься, через сорок минут он будет здесь.

– Откуда ты знаешь?!

– Знаю. Я послал Смита с лодкой на землю. Он его заберет.

– Зачем соседа беспокоил? Я бы сама на катере сходила.

– Девушке не подобает выказывать нетерпенье. – Ответил рыбак и опять громко расхохотался. Кристина бросилась в баньку. Вода в котле давно остыла. Она окатила себя холодной, растерлась полотенцем и побежала одеваться. Через пятнадцать минут, уже причесанная и приодетая, стояла на причале и высматривала лодку. Вглядываясь в море, вспоминала недолгую историю их знакомства с Юликом. До того, как пятеро русских парней и молодая женщина появились на их острове, отец предупредил, что Коленев прячет близких от опасности. В далекой России у него завелся смертельный враг, у которого длинные и очень ядовитые щупальца. Естественно, Кристину слова отца заинтриговали. Об Олеге Голеневе, который учит сыновей в университете Сванси она знала и раньше. О нем на полуострове Гоувер знали все. В студенческом баре она часто встречала его парней. А после того, как один из них, Леня Коленев, сообщил о якобы спрятанной в университете бомбе, о русских судачили целый месяц. Ведь благодаря его злой шутке отменили занятия, и многие студенты удрали в Лондон на концерт Майкла Джексона. И Кристина в том числе.

Потом она видела ребят на тренировках по гребле. Поначалу женского интереса русские парни у нее не вызывали. Скорее обыкновенное любопытство. Большинство ее сверстников пришельцы из России воспринимались чуть ли ни как марсиане. Но потом она услышала от подруги, что Юлий Постников написал выдающуюся работу. О его дипломе говорили, как о событии в университетской жизни. Тогда Кристина впервые и обратила на парня внимание. Ей показалось, что не смотря на успехи в учебе, Юлий очень страдает. У него были такие грустные глаза, что девушка ощутила острую, почти материнскую жалость. Она тогда не знала, что Юлий безнадежно влюблен в Иру, а та вскоре станет женой Коленева. Это потом, он уже сам ей все рассказал. История звучала как настоящий роман. Много лет назад бывший солдат афганской компании, после ранения демобилизовался и заработал очень много денег. Став богачом, усыновил сирот из детского приюта – четверых парней и девочку. Девочку звали Ира... Но вскоре у Иры нашлась родная мама, и Коленев вернул ей ребенка. Пока Ира росла, Олег помогал ее матери и они довольно часто общались. Потом он привез своих мальчиков в Англию, и Юлика с ними... Всем парням он хотел здесь дать хорошее образование. Мальчики учились сначала в частном колледже, а потом в университете городка Сванси. Ира осталась с мамой дома в России, но во время летних каникул, каждый год навещала бывших братиков и Юлика. К Олега Голеневу девочка относилась восторженно. Уже став барышней, поняла, что испытывает к нему совсем не дочерние чувства. Она и призналась ему первая. Двадцати двух летняя Ира и мистер Голенев, которому уже было больше сорока, поженились. Все это Юлик наблюдал и ужасно мучился. Он любил Иру со школьной скамьи.

В первый же час, когда русские появились на острове, Кристина взяла Юлия под свою опеку. И что-то между ними произошло. Парень потянулся к ней всем сердцем. Скоро печаль в его взгляде сменилась сначала заинтересованным блеском, а потом восхищением. Кристиной нетрудно было восхититься. Яркая блондинка с огромными голубыми глазами и чудесной фигуркой умела не только поддерживать занимательную беседу, а бесстрашно управляла в любую погоду рыбацкой шхуной, легко разгружала тяжелые ящики с сельдью, и прекрасно училась в том же университете, что и парни Голенева. Они бродили по острову, много говорили о жизни, о природе, о том, что человечество находится на распутье. Юлик мечтал помочь всем людям на земле. И это ее покорило. Правда, как она ни пыталась научить его разделять селедку, он так и не научился. И это Кристине было очень обидно.

Он уехал. Она надеялась, что Юлий к ней вернется, но не думала, что это произойдет столь быстро. Внешне она сумела сделать вид, что не слишком озабочена его чувствами. Но это была лишь девичья гордость. Сердце Кристины Постников завоевал прочно, хотя сам об этом пока и не догадывался. И вот теперь он плывет к ней.

Сначала она услышала звук мотора, и только потом увидела белую точку, медленно возникающую на горизонте. Постепенно точка обрела очертание соседской моторки, и девушка увидела Юлия. Парень стоял во весь рост на носу лодки и вглядывался в берег. Вскоре он тоже ее заметил и стал неистово чем-то размахивать. Чем он машет она поняла через несколько минут, когда лодка приблизилась. Постников стянул с себя футболку и махал ей как флагом.

– Какой дурачок. Сейчас в море холодно. – Прошептала Кристина. Все ее существо наполнилось необычайной радостью. Такой радости она раньше не знала. Теперь предстояло взять себя в руки, чтобы не выдать чувств. Она сумела сделать безразличное лицо, когда лодка подошла к берегу. Но Юлия это не смутило. Он спрыгнул на причал, бросился к ней, схватил в охапку и закружил по пристани.

– Отпусти... Мы же тут не одни! – Взмолилась девушка.

– Я тебя теперь никогда не отпущу. – Ответил Юлий: – Я приехал за тобой.

Сосед, что доставил парня, выставил на берег его кейс, тактично отвернулся и быстро ушел.

– Ты русский дикарь. У нас так себя не ведут. – Пыталась образумить кавалера девушка. Юлий разжал объятия и посмотрел на часы:

– У нас очень мало времени.

– Я никуда не опаздываю.

– Опаздываешь. Вечером у нас самолет.

Кристина напустила на себя строгость:

– Что?

– Что слышала. Я уже в консульстве о визе договорился. Но мы должны успеть в Сванси на вечерний поезд, иначе во время в Лондон не попадем. Поэтому надо спешить.

– Как это я с тобой поеду. В каком качестве?

– В качестве невесты. Прилетим и сразу поженимся.

– Меня спросил?

Он растерялся:

– А ты против?

Она не ответила и быстро зашагала к дому. Юлик побежал за ней. Голос его дрогнул:

– Так ты против?

– Вот дикарь Сам с отцом договаривайся. – Ответила она и рассмеялась.

Тодди торопливость жениха вовсе не удивила. Он достал виски, копченую сельдь и, разливая в стаканы, сказал.

– Я так и думал, что ты летишь жениться. Зачем зря такие деньги на дорогу тратить. Но это надо делать здесь. А уж потом забирай жену куда хочешь. – И опустошив стакан за счастье молодых, поинтересовался:

– А что у тебя с работой? На что собираешься кормить будущую семью. Селедки, как я понимаю, у вас там нет.

– Я уже работаю мэром города. Поэтому и спешу. Жениться будем дома, даю слово джентльмена. – Ответил Юлий.

– И большой у вас город?

– Поменьше Сванси.

– Для такой работы ты слишком молод. – Усмехнулся Тодди.

– Возможно. Но люди меня поддержали.

– Тем более. Это большая ответственность. Не знаю, может в России по-другому. Но у нас мэр города должен знать жизнь.

– Я научусь.

Кристине за столом сидеть было некогда, она собирала вещи.

– В чем же я пойду у вас в церковь. У меня нет белого платья и свадебного букета.

– Платье купим в России, и цветы тоже. У нас они вовсе не хуже, и даже дешевле. – Рассудительно заметил жених.

– Я же говорю, что ты дикарь...

Тодди проблемы свадебного платья Кристины тоже не очень беспокоили. Он разлил еще порцию виски и внимательно посмотрел в глаза Юлика:

– Хорошо, парень, я верю, что ты полюбил дочку. Если будет трудно, мой дом – ваш дом. А ловить селедку я тебя научу.

– Спасибо Тодди. Мы к тебе приедем, как только у меня будет хоть немного свободного времени.

Будущий тесть покачал головой:

– При твоей работе, свободного время не бывает. Приедете, когда выйдешь на пенсию. Ладно, пойду, заправлю солярой катер. – На пороге остановился: – А как же вы будете венчаться? Ты православный, она лютеранка?!

– Какая разница. Мы все христиане. Там разберемся. – Ответил влюбленный жених. Голенев не верил в Бога и его сыновья, а с ними и Юлик, к вопросам религии относились весьма френольно. Молодой человек и не подозревал, что в недалеком будущем ему об этом еще предстоит задуматься. Но сейчас он видел только прелестную белокурую Кристину и мечтал поскорее стать ее мужем.

* * *

В поселке богатеов, прозванном в народе Макаградом, один дом выделялся строгостью архитектурных форм, и потому, казался меньше других. На самом деле в особняке Бориса Аркадьевича Завалишина комнат вполне хватало, а площадь их позволяла хозяину не стеснять себя, супругу и двоих сыновей. Каждый имел по своей. А в просторной гостиной, без труда, вмещалось персон двадцать. На цокольном этаже располагалась каминная, где хозяин любил работать. Борис Аркадьевич не так давно переселился в Глухов из Краснодара. И приехал в российскую глубинку человеком состоятельным. Откуда у него деньги, не знали и на родине. А тут, где он завел пока не очень много знакомых, об источнике его благосостояния понятия не имел никто. Сыновья Завалишина подростки-погодки пятнадцати и шестнадцати лет, отличались патологической жестокостью и любили мучить животных. Его жена Ксения пыталась их перевоспитывать, но Завалишин этих попыток не поощрял. «В нашем жестком мире разумная жестокость поможет выжить». – философски замечал он и баловал мальчиков дорогими подарками.

Обычно отпрыски не знали запретов и играли, где хотели. Но сегодня после завтрака ушли из дома и до сих пор не возвращались. Спокойствие и тишина хозяина вполне устраивало. Завалишин принимал гостей из Москвы и, судя по подготовке к визиту, люди это были солидные.

Москвичи приехали на БМВ с затемненными стеклами. По деловому пожали руку хозяину и прошли в кабинет. Кроме минеральной воды и хрустальных стаканов на журнальном столике ничего не стояло. Гости заняли диван, хозяин устроился в своем кресле. Без предисловий заговорили о главном – Что делать с партией Маки Соловьевой?

– Что делать, Сергей Петрович? – задумчиво переспросил Завалишин: – Это вопрос не простой...

Сергей Петрович, высокий мощный человек, с рубленным лицом солдата, ответил не раздумывая:

– С этой блядью больше делать нечего. Закопали и ладно. Жаль ее денег, что ушли от партии. О ее ММР надо забыть.

Завалишин не был столь категоричен и искал поддержки у второго гостя:

– Вы согласны с этим, Вадим Афанасьевич?

В отличии от мощного военизированного партнера, Вадим Афанасьевич, худой, очкастый и сутулый, больше напоминал ученого гуманитария:

– Сереженька, зачем о покойной так грубо? Неужели, любезный, кроме слова «блядь» в русском языке не найдется термина для бывшего лидера движения? Например, дама свободных нравов...

– Как ты ее не называй, суть не изменится – блядь, есть блядь. Если бы она думала о деле, бандитских войн бы не затеяла. Кругозорчик малюсенький и находился он не здесь – и Сергей Петрович ткнул себя в лоб массивным квадратным указательным пальцем – а здесь. – и переместил палец к своей промежности.

– Оставьте, дружок. – Поморщился деликатный Вадим Афанасьевич, и протер очки носовым платком: – После Соловьевой остался ее электорат и его необходимо подхватить.

– И деньги, что перешли к этому афганцу. – Многозначительно добавил Сергей Петрович и громко высморкался.

– Вот и давайте решать, господа – товарищи, ставим мы на ее приемника батюшку, или ищем другую кандидатуру. Как я понимаю, за этим вы и здесь. – Напомнил Завалишин визитерам.

– Сергей Петрович посмотрел на часы: – Поглядим, как пройдет первый парад его ангелов. Тогда и решим.

– Нормально пройдет – заверил хозяин кабинета. – Парень давно и тщательно натаскивал свою свору. Пора и поохотиться.

Вадим Афанасьевич потер ладошки:

– Нет, что-то в этом, любезные мои, есть. Во всяком случае, неординарно – бывший священник из глубинки, президент страны!? Звучит! Но я этого молодого человека не имею чести знать близко. Говорят, слаб до женщин и ленив чертовски.

– Да хер с ней, с его ленью. Его задача быть управляемым и не заниматься самостоятельностью. Дальше все за него и без него решат.

У Завалишина на этот счет было свое мнение::

– Никодим мужик управляемый. А женщин любит, не беда. Они его тоже любят. Мужики в глубинке пьянь. Решают то все бабы... и ходят на выборы. Они же клитором голосуют.

С этим утверждением оба москвича согласились. В кармане Завалишина зазвонил мобильный. Он достал трубку, молча выслушал абонента и убрал мобильный обратно.

– Что там у тебя, Боря. – Заинтересовался звонком Вадим Афанасьевич.

– Охота началась. Предлагаю, пока трубадуры трубят атаку, отобедать, чем Бог послал.

В столовой хлопотала супруга Завалишина, Ксения – невысокая дама с огромными бедрами. Эта часть ее тела своей необычайной пластикой вела себя вызывающе самостоятельно, чем невольно привлекала взгляды посторонних мужчин и составляла тайную гордость мужа. Бесцветное лицо Ксении хоть и не было, на фоне вышеуказанного, столь заметно, но зато выражало радушие и почтение:

– Рассаживайтесь мужчины. Обед вас давно ждет.

Хозяин разлил из графина водку и поднял рюмку:

– Давайте считать господа товарищи, что ММР сдохла вместе с Макой. Я пью за рождение РДР.

– ММР капут, да здравствует РДР! – Хором воскликнули мужчины, чокнулись и выпили до дна. Закусив и осознав тепло внутри организма, Сергей Петрович огляделся:

– Не вижу наследников.

Завалишин перешел на шепот:

– Они там.

– Для отца, любезный вы мой, смелое решение. – Задумчиво проговорил Вадим Афанасьевич, смакую вкус маслины: – Я бы, пожалуй, на такое не отважился.

Завалишин прокашлялся и заговорил в полный голос:

– Пусть попробуют свежей крови, волчата. Раньше начнут, крепче вырастут. Свое место в стае иначе не займешь. А я, господа-товарищи, рассчитываю вырастить настоящих лидеров.

Молчавшую до сих пор хозяйку словно прорвало:

– Ну, хоть вы ему скажите! Меня он давно не слушает... Эти звери могут, что угодно сделать с детьми. У них у всех кривые ножи за пазухой. А если, не дай Бог, пырнут!? У меня сердце кровью обливается, а ему только хи-хи, да ха-ха.

Борис Аркадьевич нахмурился и строго взглянул на жену:

– Помолчи, женщина. Они уже не дети. Помнишь у Шекспира? Ромео в их годы за любовь жизнь отдал. И потом, кто в доме хозяин!? Ты лучше того, разлей нам супчика и иди пока.

Ксения всхлипнула и, выказав при своей своеобразной фигуре удивительную подвижность, убежала из столовой.

– Бабы слабы. – Изрек Сергей Петрович, проводив ее спину восхищенным взглядом: – Рожденный ползать, летать не может. А женщина рождена ползать вокруг очага и поддерживать его. Летать нам...

Имея склонность к образному мышлению, деликатный Вадим Афанасьевич задумался, представил себе хозяйку дома, ползущую вокруг очага, и едва сдержал улыбку. Тем временем Сергей Петрович продолжил:

– А по поводу этих приматов, твоя жена права. Приезжают сюда, а у каждого, действительно, за пазухой нож. Давить, как тараканов, чтоб не повадно было.

– А я, господа, к ним злобы не испытываю. И вам, любезные мои, не советую. К противнику надо относиться, как опытный боксер на ринге, размышляя, как эффективнее нанести удар и сорвать аплодисменты зала. Их кровь нужна, чтобы поднять наше зверье. Ничем другим его с места не сдвинешь. А тут, глядишь, и про огненную воду забудут, и пастырей своих слушаться начнут. Тогда и власть в этой стране станет осмысленной. Гитлер это когда еще понял... Жаль культуры не хватило истерику.

Завалишин самостоятельно наполнил тарелки солянкой, и возразил:

– При чем тут, господа – товарищи, Гитлер? Еще древний Рим держал свой люмпен на гладиаторских боях. Кровь, это наркотик.

– Рима, нам не надо. Вкусная еда и доступные гетеры разложили империю. Лучше нашего отца народов отечественное население не понимал никто. Вот у кого поучиться! И учебники искать не надо. Все в библиотеках есть... – Усевшись на любимого конька, Сергей Петрович много бы еще мог сказать интересного, но в комнату вбежал Николай. Поглядывая на посторонних мужчин, младший сын Завалишина встал перед отцом и замялся.

– Говори сынок, это наши братья по правому делу. Их опасаться не надо.

– Папа, Никитку забрали!

– Как забрали?

– Утащили в автобус.

– Ладно, сынок. Только маме не говори, а то вой поднимет. Я сам с этим разберусь. – Борис Аркадьевич снова вынул из кармана трубку мобильного телефона и прошелся по кнопкам.

– Слушай, батюшка, мой сын влип. Делай что хочешь, но парня домой верни – и, убрав трубку в карман, наполнил рюмки: – Вот господа-товарищи и повод оценить этого парня. Пусть выводит главную артиллерию на позиции.

– А не рано, любезный? – Спросил Вадим Афанасьевич, орудуя зубочисткой.

– Лучше рано, чем поздно. А за одно и новое начальство проверим на вшивость. А то поставили чужих сопляков над городом и ждут от них Рая Небесного на земле.

Сергей Петрович выбросил зубочистку в пепельницу, взял своей огромной лапой рюмку, бросил: – Тебе, Боря, виднее – и опрокинул водку прямо в горло.

* * *

Убожество городского отдела МВД Леню, мягко говоря, удивило. И не так обшарпанные кабинеты, неказистая мебель и туалет с одной действующей кабиной из трех, как средства связи и архив. На весь отдел у милиционеров он обнаружил один допотопный компьютер, да и тот постоянного подключения к Интернет не имел. Что касается архива, то здесь дело обстояло совсем скверно. В низком подвальном помещении на стеллажах громоздились пожелтевшие от сырости папки, и чтобы отыскать нужную, требовался не один час времени. Криминальная лаборатория вообще напоминала музей Шерлока Холмса. Поприличнее выглядела лишь комната где девушки готовили гражданам заграничные паспорта. Но их работа к преступности отношения имела слабое и Леню не интересовала.

В кабинете начальника отдела, тоже не слишком шикарном, советник мэра по вопросам криминала эмоционально озвучил свои наблюдения. Захар Гаврилович Белянчиков только развел руками:

– Так и живем, молодой человек. Средств не хватает. Хорошо хоть зарплату последние пару лет сотрудникам выдаем вовремя.

– Странно... В новостях репортеры рассказывают что теперь в России полицейские службы экипируют по последнему слову техники. А у вас компьютер первого поколения...

Начальник не преминул поправить молодого человека:

– Это у вас в Англиях полиция, а мы милиционеры.

– Дело не в словах, а в оборудовании.

– Возможно, где-то по-другому. А у нас плохо. Бывший мэр, вы же в курсе, оказался пьяницей и покончил жизнь пустив себе пулю. А правил он почти десять лет. Вот и результат...

– Что же вы его не сбросили?

– Трофим был пешкой. Тут всем заправляла мадам Соловьева. Разве вы не поняли, почему Олега Голенева и вас вместе с ним, горожане внесли на руках в мэрию? Он помог избавиться от этой бабы.

– Это мне известно. Но как же вы работаете?

– Помаленьку. Городок у нас небольшой. Всех уголовников я в лицо знаю. Кстати, многих ваш приемный батюшка уже успел отправить на тот свет, чем сильно разрядил криминальную атмосферу.

– Вот об этом я ничего не знаю. Мы приехали позже. – Ответил новый сотрудник мэрии и явно смутился.

Белянчиков его успокоил:

– Благодарите, Леонид, наших горожан. Мне же по факту смерти каждого бандита пришлось дела заводить. Все свидетели, как один, показали – они сами перебили друг друга. Господину Голеневу опасаться нечего. Ни один человек его фамилии не назвал.

– И опасных уголовников совсем не осталось? – Поспешил сменить тему Леня.

– Есть, конечно... Как без этого народа? В России живем. Но и они хвосты поджали. Думаю, месяца два от грабежей отдохнем. Но нам и бытовухи хватит. Что ни день зарплат, то драка, или поножовщина. Я уж не говорю о семейных разборках. Баб в синяках вы еще посмотрите.

– Неужели здесь до сих пор бьют женщин?

– А у вас в Англиях нет?

– Иногда и там бывало. Но это нечто исключительное. Все газеты пишут.

– А у нас на Руси в порядке вещей. Знаете же поговорку – «Если не бьет – не любит».

– Не слышал.

– Еще услышите.

– Хорошо, об этом потом. Постников просил меня выяснить в чем причина массового хулиганства подростков? Что вы об этом думаете?

– Вы о футбольных фанах?

– В том числе и о них.

– Что я могу думать? Вы слишком молоды. О Советской власти ничего не слышали. А при ней этого безобразия не водилось. И знаете почему?

– Нет, конечно.

– Тогда молодежью занимались. Большую работу вели – пионерия, комсомол, клубы. У сопляков энергии много. Пиписьки начинают шевелиться, кровь в голову. Эту энергию надо направлять. Теперь некому. Комсомол и пионерию разогнали. Клубы превратили в казино. ЖЭКов не стало.

– А это еще что такое?

Белянчиков невесело усмехнулся:

– Это, молодой человек, жилищно-эксплуатационные конторы. Находились они во дворах домов, а при них любители общественники возились с детьми – кружки разные, спорт, походы, лекции. Сейчас демократы дворы отдали бандитам, вот они наших детей и воспитывают.

Леня подозрительно посмотрел на старого следователя:

– Вы коммунист?

– Бывший. В органах почти все в партию вступали. Иначе работать было трудно. Но я прошлого, молодой человек, не стыжусь. Невинных не сажал, и службу справлял, по возможности, честно.

– Верю. О вас в городе хорошо говорят.

– И на том спасибо. Вот займете мое место, будете работать лучше. А мне пора на пенсию.

– Я Юлику в мэрии нужен. А насчет пенсии, не спешите. Поработаем годик другой вместе, а там посмотрим. Мне помощь опытного следователя очень пригодится.

– Чем я могу вам помочь? У вас диплом английский. А английские сыщики считаются лучшими в мире.

– Диплом практики не заменит. Да и специфика обучения другая. Там основной уклон – терроризм.

– Этого пока Господь миловал. Но еще не вечер. Глядишь и до глубинки, не дай Бог, дойдет.

В дверь постучали и, не дождавшись разрешения, в кабинет ввалился полный краснолицый сотрудник в форме лейтенанта милиции. Зыркнув на Голенева, обратился к начальнику:

– Захар Гаврилович, на рынке заваруха. Опять эта шпана малолетняя. Я наряд выслал, не справляются наши.

– Поднимай ОМОН, Саша, и вызывай мою машину. – Сотрудник кивнул и исчез. – Вот и ваши фанаты легки на помине. Желаете, Леонид, вместе со мной съездить? Посмотрите своими глазами на русскую национальную забаву. – Предложил Белянчиков и грузно поднялся со стула.

Начальственная «Волга» выглядела вполне прилично. Леня даже предположил, что она новая. Но стоило им тронуться с места, понял, что ошибся. Старшина за рулем отдавал столько сил переключениям скорости, словно вел танк.

– Только из капиталки, а коробка уже в заднице... – Проворчал Белянчиков: – Сколько лет бывший мэр обещал транспорт, и все мимо.

– Да, на такой ласточке только за бандитскими иномарками гоняться. – Улыбнулся Леня.

– А чего за ними гоняться? Они все у нас теперь бизнесмены. Выпишу повестку, сами придут. – Спокойно возразил начальник отдела и ухмыльнулся.

ОМОН добрался до рынка проворнее. Когда начальственная «Волга» прибыла на место происшествия, бойцы с драчунами уже разобрались. Командир отряда, капитан Зуев доложил:

– Товарищ, подполковник, в драке принимали участия около пятидесяти несовершеннолетних. Избиты два продавца узбека и наш глуховский армянин, заместитель директора рынка. Он бес сознания, нужно в больницу. Скорую вызвал. Задержано пятнадцать подростков. Вон их к вам повезли – и капитан указал на отъезжающий автобус.

Белянчиков представил командиру отряда нового работника мэрии:

– Знакомьтесь Слава, это Леонид Коленев – советник нового мэра по вопросам криминала... Теперь это наше с вами начальство.

– Заграничный реформатор? – Улыбнулся капитан: – Очень приятно, Вячеслав Зуев. Олега Николаевича Голенева вся моя семья очень уважает.

– Не только уважают – уточнил подполковник: – капитан даже отказался везти своих орлов на разборку Голенева с бандитами.

– Я же знал, что Олегу Николаевичу его друзья афганцы помогают. Зачем мешаться? – Улыбнулся Зуев. Леня крепко пожал ему руку:

– Спасибо. Можно посмотреть на место побоища?

– Конечно, пойдёмте, я вас провожу. – И капитан повел Белянчикова и Леню к воротам рынка. На земле валялись мятые овощи, доски размолоченных столов, перевернутые весы. С десяток угрюмых нацменов молча стояли у разбитых прилавков. У многих лица и руки были забинтованы. Возле опрокинутого лотка с фруктами, на брезенте лежал окровавленный человек. Капитан кивнул в его сторону:

– Ашот Гюльбекян, заместитель директора рынка.

Леонид передернуло:

– Вы бы его хоть перевязали?

– Нельзя до врача трогать. Можно навредить. – Ответил Зуев. Леня хотел еще что-то спросить, но услышал сирену. ОАЗ с красным крестом подкатил прямо к пострадавшему. Из него вышли трое. Пожилой врач склонился над избитым армянином. Два санитары с носилками ждали его распоряжений с отсутствующими лицами. Они делали свою работу, не подключая эмоций.

– Поздно. Он уже мертв. – Сообщил врач. Белянчиков по телефону вызвал следственную группу. Один из санитаров подобрал с земли яблоко, вытер о свой халат и с хрустом надкусил.

– Раньше они никого не убивали. – Задумчиво изрек начальник городского отдела: – Это что-то новое.

– Убийц нужно судить. – Вырвалось у Лени. Подполковник не спешил соглашаться:

– Не так просто. В драке принимали участие целая толпа шпаны. От задержанных правдивых показаний не дождешься. А пострадавшие могут путать. Озверевшие подростки для них все на одно лицо. И потом бил не один. Доказать чей удар привел к смерти и вовсе ребус. Будем работать.

– Я бы тоже хотел поучаствовать? – Попросил Леня.

– Пожалуйста, если есть желание. – Буркнул Белянчиков и обратился к врачу: – Спиридон Сергеевич, как Мария Афанасьевна? Слышал, ваша половина в больнице.

– Ничего, Захар Гаврилович, сейчас уже дома. Дай бог поправится. – Ответил врач и пошел осматривать избитых продавцов. Леня удивился – здоровье супруги эскулапа, подполковника волновало куда больше совершенного здесь убийства. Но озвучивать своего удивления не стал. Отправился опрашивать свидетелей. Выбрав подтянутого высокого кавказца, который пострадал меньше других и в помощи медиков не нуждался, обратился к нему:

– Гражданин, расскажите все что вам известно об этой драке.

– Чего рассказывать?

– Сначала назовите себя?

– Зовут меня Резо. Я грузин. Но, у меня нет регистрации, поэтому официально я ничего не скажу. Себе дороже.

– Не стыдно, отец!? Они человека убили!

Леонид обернулся и увидел стройную красавицу с горящим взглядом темных, бездонных глаз. Резо что-то раздраженно сказал ей на своем языке. Но Леня понял, что на девушку это не действовало. Тогда он представил красавицу русскому:

– Дочь моя, Нино. Не хотел брать в Россию, да слишком у нас стало трудно жить. Электричества нет, денег нет, работы нет. – и еще раз грозно глянул на девушку.

Нино сделала вид, что строгие взгляды отца не замечает:

– Если вы из милиции, должны найти убийц и наказать. А я вам все расскажу.

– Что ты можешь рассказать? Ты под прилавком сидела, потому и жива. – Вдохнул грузин.

– Неправда, отец. Я в конторе с бумагами занималась. Слышала шум, думала скандал и все. Я скандалов не люблю. А когда поняла, что людей бьют, схватила гирю и сюда. Но тут уже милиция, и я спряталась. У нас, правда, регистрации нет. А если нас выселят и не дадут продать мандарины, мы пропали. Дома голодная бабушка и две моих сестренки. Они нас ждут и на нас надеются.

– Для приезжих из Грузии вы оба очень чисто говорите по-русски. – Удивился Леня: – Давно в России?

Нино гордо откинула непослушный локон:

– Две недели. Но вы не думайте, мы раньше торговлей на базарах не занимались. Нужда заставила. А говорим чисто, потому что папа преподавал русскую филологию в Кутаисском пединституте. А я там училась. Кстати, отец и по-английски говорит не хуже. Да и я тоже.

Леня рассмеялся и перешел на английский. Нино одарила его благосклонным взглядом. На языке Шекспира рассказ о базарном погроме выглядел так: В одиннадцать часов утра рынок работал в полную силу. Подростки явились неожиданно. Они шли ровным строем, и драку начали молча. Сначала переворачивали лотки и громили прилавки. Уже потом кто-то крикнул – «Смерть черножопым» и появились железные прутья (возглас подростков Резо воспроизвел по-русски – английского синонима не отыскал). Продавцы защищались как могли, но мальчишек было слишком много. Заместитель директора Гюльбекян успел позвонить в милицию, выбежал из административного павильона и попытался хулиганов образумить. Его повалили и стали бить прутьями. Избивали армянина около двадцати хулиганов. Лиц их Резо не запомнил. Он уводил в безопасное место женщин и разглядел не всех. Только заметил серьгу в губе одного подростка. По словам грузина и его дочери, все драчуны явились одетыми в черные водолазки и высокие шнурованные ботинки. Еще Резо подметил интересную деталь. На воротниках мальчишек одинаковые значки – кружок белой эмали с буквами посередине. Сами буквы филолог разглядеть не успел. Деталь любопытная, но Леониду она пока говорила мало. Единственное, что он понял – акцию хулиганы провели организовано, и она было хорошо кем-то подготовлена. Это означала наличие крепкого лидера. Возможно, им был один из малолетних хулиганов, а возможно и кто-то постарше. Это Леонид решил проверить.

– Где вы остановились? – Поинтересовался Леня, почти не скрывая, что вопрос больше адресован Нино, нежели ее отцу. Но ответил ему мужчина.

– В гостинице при рынке. Если эту ночлежку так можно назвать.

– Кажется, раньше этот «отель» назывался домом колхозника. – Добавила девушка и улыбнулась. Ее прекрасное, но до этого строгое лицо, улыбка необычайно преобразила и Леня растаял окончательно.

– Резо, могу я пригласить вашу дочь немного погулять вечером? Слово джентльмена, ей ничего не угрожает.

Грузин сразу насупился, но отказать представителю власти не решился. Пообещав заехать за Нино вечером, молодой человек раскланялся. Пока он беседовал со свидетелями, следственная бригада закончила осмотр места побоища и труп армянина увезли. Возвращаясь к начальственной «Волге», заметил на дороге кружочек белой эмали, нагнулся и незаметно положил его себе в карман.

– Что, здесь такие драки в порядке вещей. – Спросил Леня у Белянчикова, когда машина тронулась.

– Подобная жестокость впервые. Раньше они дома вели себя потише. Дрались в Москве, или областном центре. И никого не убивали.

– А почему напали именно на южан?

– Это понятно.

– Мне нет.

– Надо газеты читать, господин советник. С Грузией Россия чуть ли не на грани войны. Правительство под предлогом незаконной эмиграции вытесняет грузинцев ото всюду. Шпана чувствует куда ветер дует. В Питере иностранцев давно убивают, а суды их оправдывают. Вот и результат.

Леня вспомнил обворожительную улыбку грузинской девушки и вздохнул:

– Грустно...

– Да уж, невесело. Только у вас в Европах еще хуже. Небось, знаете, чего во Франции цветные творили? Автобусы с людьми жгли, целые кварталы в страхе месяцами держали. У нас цветочки...

На это Леониду возразить было нечего. Он мог лишь сказать, что в его университете учились студенты и черные, и белые, и красные, и желтые. А драк никто не затевал. Но вместо этого попросил:

– Мог бы я присутствовать на допросе задержанных? Белянчиков усмехнулся:

– Ни сегодня. Пусть посидят голубчики выходные в КПЗ. Просторно им там не будет. А в понедельник милости прошу. По опыту знаю, разговор получится продуктивнее.

Вспомнив обшарпанные кабинеты стражей порядка, Леня представил себе, как выглядит у них помещение КПЗ и, внутренне, с мудрым начальником согласился.

* * *

Они ехали без дорог, объезжая пни и деревья, преодолевая небольшие овражки и кочки. Сумрак леса резали лучи ярких фар, выхватывая из темноты то лапы вековых елей, то белые стволы берез. Этот танец потоков света казался совершенно хаотичным и бессмысленным. Но водители направление держали четко. По лесу пробирались не автомобили, и не трактора, а маленькие четырехколесные монстры. Сосчитать их было невозможно. Весь лес рычал и светился. Их несоразмерно большие колеса не боялись ни топкого мха, не торчащих корней, ни вековых луж. Это были спортивные машинки, которые в Европе зовут АТВ, а у нас кличут скутерами. Хотя скутерами всегда называли глиссирующие лодки с пропеллером на манер самолета, а эти уж скорей смахивали на маленькие быстроходные трактора.

Выбравшись на опушку, водители прибавили скорость и, через несколько минут, рой жужжащей техники притормозил у домика лесника. Это было то самое охотничье хозяйство, где когда-то погибли чиновники, виновные в смерти первого мэра города, Тихона Постникова. После того случая власти хозяйство забросили, лесник Никитка спился в городе, и участок с банькой и гостевым домом порос бурьяном. Около десятка лет постройки никто не пользовал, и лишь случайные грибники и бродяги прятались под их крышами от дождей и стужи. И только полгода назад здесь появился новый хозяин. Кто этот человек, в Глухове не судачили. Он не был местным жителем, и прикупил запущенный комплекс у мэрии для летнего отдыха. Скорее

всего, покупателем стал бизнесмен из крупного города, пожелавший иметь ранчо в глуши. За время владения он выкосил траву вокруг построек, наладил разоренное электричество и колодец, но строения не ремонтировал. Они так и остались в запущенном неприглядном виде.

Мотокары лихо подкатили к крыльцу и, загасив огни, остановились. С них спрыгнули молодые люди в черных свитерах и выстроились на выкошенной лужайке перед гостевым домиком. Через несколько минут на крыльце появился высокий мужчина. Одет он был тоже в черный трикотажный пуловер с высоким воротником, но в отличие от молодых людей, лицо его закрывала черная полумаска.

Оставшись на крыльце, он негромко спросил:

– Как прошел круг Желтого Ангела Устрашения?

Из рядов прибывших юношей вышел один и по военному коротко ответил:

– Один враг повержен, десять наказаны. Несколько Воинов Веры попали в полон.

– Сколько?

– Двадцать два Воина, Учитель.

– Где они?

– Всех привезли в городской отдел, Учитель.

– Друзей в беде оставляют только слабые духом. Вы спасете моих послушников и своих товарищей. Я правильно говорю?

– Да, Учитель! – Ответили десятки глоток.

– Я научил вас обращаться с оружием. До этого вы использовали его в играх и тренировочных баталиях. Сегодня я доверю его вам для настоящего дела. Вы готовы?

И приглушенные, но звонкие голоса снова ответили:

– Да, Учитель!

Мужчина в полумаске, нагнулся и поднял палку, на конце обмотанную ветошью. Сумрак ночи ослепила вспышка зажигалки и яркий свет факела. В этом свете стало видно, что молодые люди, выстроившиеся на опушке, совсем еще дети. Мужчина сбежал с крыльца, поднял факел над головой и скомандовал:

– Пастыри дружин за мной. – быстро зашагал по тропе, ведущей к рубленой баньке. Два десятка мальчишек устремились за ним. Подойдя к срубу, распахнул дверь и остановился, осветив низкий вход и сени. Подростки по очереди проникали внутрь и выходили обвешанные автоматами. Через несколько минут, мужчина закрыл дверь бани и, загасив о влажную траву факел, вернулся на крыльцо.

– Воины Веры – обратился он к детям: – Сегодня вам предстоит сделать круг Черного Ангела Возмездия. Каждый из вас должен помнить, свою цель и свое место в дружине. Задача – освободить послушников. Все ясно?

– Да, Учитель! – Раздалось из темноты.

– Завершив круг Черного Ангела, разойдетесь по домам. О новом походе вас предупредят пастыри дружин. Сюда без зова никто не приходит. Ясно?

– Да, Учитель!

– Помните клятву?

– Да, учитель!

– Повторите ее все.

Слаженные голоса отчеканили:

– Россия для русских! Пусть я лишусь глаза. Пусть я лишусь языка. Пусть я лишусь сердца, если выдам своего учителя.

– Воины Веры вперед!

На лужайке разом зажглись десятки огней, раздался треск моторов и все пришло в движение. Через несколько минут бывшая охотничья усадьба опустела, и только в темном лесу еще долго слышался удаляющийся зуд движков и маята световых пятен от фар мотоциклов.

* * *

Олег и Ира давно проснулись, но покидать постель супругам совсем не хотелось. Ира уютно нежилась, положив головку на грудь мужа, но через некоторое время решила проверить, почему он затих. Приподнялась и поняла, что Голенев не спит, а смотрит в потолок, явно размышляя о чем-то постороннем, далеко от ее чар и прелестей.

– Я думала ты дрыхнешь и боялась пошевелиться, а ты оказывается «дум великих полн.». Поделись с женушкой, где витает твоя душа воина?

– Лежу, Ирка, и думаю, как будем жить дальше?

– Не поняла? Тебя беспокоит не умрем ли мы с голоду, имея на счету всего около полутора миллиардов долларов?

– Да я не о деньгах.

– Тогда о чем?

– О нашем доме. Не можем же мы всегда жить у Лены. А, главное, я хочу понять, восстанавливать дом на Вороньем холме, или нет.

– Во-первых, ты живешь не у мамы, а у меня. Значит и у себя. Мы же муж и жена, и у нас все общее. А восстанавливать твоё пожарище я бы не стала. Как вспомню, что ты там погреб под своими подвалами кучу бандитских трупов, даже думать об этом противно.

– Нет, Ирка, Лена еще молодая женщина и мы ее связываем. Представь, если бы у тебя в доме обитала супружеская пара родственников и еще пять здоровых мужиков, как бы ты устраивала свою личную жизнь?

– Я бы нашла богатенького мужа и ушла к нему. – Ответила Ира и чтобы не слышать возражений, поцеловала Олега в губы. Он довольно быстро переключился с бытовых проблем на лирические. Еще пол часа они наслаждались друг другом. Очнувшись, Ира посмотрела на часы и ужаснулась:

– Время десять, мама уже давно ждет нас завтракать.

– Я же сказал, что нам пора думать о собственном жилье. Тогда не нужно соответствовать чужому распорядку. И потом, сегодня суббота.

– Для тебя это особенно актуально.

– Что ты имеешь ввиду?

– Субботу. Посидел один день в мэрии, и два дня рассказывал, как ты там устал. Какая разница для богатого рантье, суббота сегодня или среда? Завтракать все равно нужно. Например, я дико голодная.

– Да, Ирка, я совсем забыл... Сегодня же должен Юлик прилететь. А что если он привезет свою красавицу-рыбачку? Надо и им комнату готовить.

– Вот и вставай. – Рассмеялась Ира, вскочила с постели и, набросив халат, тут же убежала. Олег поднялся следом, но вовсе не так резво. Натянув белые спортивные брюки, он подошел к окну и посмотрел в сад. Гроздь рябины уже начинали краснеть, напоминая, что осень уже не за горами. Внизу в глубине сада кусты сирени прятали скамейку. Голенев уже знал, что именно на ней Лена и Руфина Абрамовна обнаружили мертвого Трофима. Отчим Иры покончил жизнь самоубийством не в силах совмещать работу мэра города со службой своей покровительнице Маке Соловьевой. На многие страшные вещи ему пришлось закрывать глаза, что при наличии совести опасно для жизни. В результате, Трофим сначала стал пьяницей, а потом самоубийцей.

Ира тронула его за плечо и передала трубку:

– Тебя Сергей из Бирюзовска.

– Да Сережа. Есть новости с Никулиным?

– Никаких. – Ответил Сергей: – Всех наших бандитов проверил, никто его не похищал. Или пришлое, или еще чего. Похоже я не в силах. Может, сам приедешь?

– А я вообще в Бирюзовске сколько лет не был. Пока погружусь, год пройдет. Да и тут у меня не все спокойно.

– Кого-нибудь из прежних не доби́ли?

– Да нет, те молчат. Здесь что-то другое.

– Помощь нужна?

– Спасибо, пока нет. Понадобишься, вызову. – Голенев отключил телефон и снова застыл,

– Так и будешь истуканом у окна стоять? Все уже за столом, а ты еще в шароварах. – Пристыдила мужа Ира, заглянув в спальню. Сама она уже успела одеться и причесаться.

– Иду. – Ответил Олег, но с места не сдвинулся.

– Не вижу. – Заметила молодая жена, схватила Голенева за руку и потащила в ванную.

Когда он, выбритый и подтянутый, вошел в столовую, все семейство уже сидело за столом, а Елена в веселом фартучке разливала кофе:

– Доброе утро зятек. Что-то ты сегодня припозднился. – Встретила она Голенева, продолжая хозяйничать.

– Спать, это хорошо. – Подмигнул отцу Леня и широко зевнул.

– А вот зевать за столом плохо. – Ответила Ира и покраснела.

– Леня только с койки поднялся. Вчера приперся к рассвету. – Донес на брата Митя.

– И кто она? – Полюбопытствовал Тема, накладывая на тарелку изрядный кусок бисквита.

Леонид мечтательно улыбнулся:

– Хорошая девочка – грузинка. Приехала с отцом мандаринами торговать, и чуть не угодила под прутья шпаны. Кстати, я с них снимал показания на английском. Грузин филолог, кандидат наук, дочка аспирантка. Пока мы с ней гуляли, она мне такого порассказала... Ужас, что у них творится.

– Да, в Грузии дела идут скверно. – Согласился Голенев. Я служил с грузином, в бытность СССР. Он еще тогда любопытно высказывался о России. Говорил – русские наш старший брат. Но и старший брат бывает дурак.

– Недурно... – Согласился Саша. Только теперь заметно, что все наоборот – дурак брат младший.

Леня за грузин заступился:

– Не надо, братишка. Народ за своих правителей не отвечает. А Нино, чудесная девушка. Я бы сегодня привел ее к нам пообедать.

– Можешь и ее отца пригласить. Я не возражаю. – Улыбнулась Елена. – Им в России сейчас не очень сладко.

– Я подумаю. – Ответил Леня и принялся усердно закусывать. Его примеру последовали остальные. Несколько минут всех занимала трапеза. Саша насытился первым:

– Отец, а почему Юлика так долго нет? Ты ведь наверняка знаешь, куда он смылся?

– Я, например, догадываюсь. – Ухмыльнулся Леня. Олег и Ира переглянулись. Тайную причину своего бегства от семьи и службы Постников доверил только им и своей матери. Но Татьяна собиралась их навестить позже, а остальные ничего не знали.

– Но и о чем же ты догадываешься, сыщик? – Спросил Олег, подставляя опустевшую чашку хозяйке под кофейник.

– Он в Англии. Кристину уламывает. Вот он где.

– С чего ты взял? – Вытаращился Тема.

– Во-первых, пошевелил извилинами, во-вторых, отработал психологически его заяву. Все же слышали, на мой вопрос – «куда ты намылился» – он вякнул что-то о личном. А что у него сейчас личное, кроме Кристины в Англии.

– Почему прямо не сказал? – Пожал плечами Саша.

Митя только усмехнулся, поскольку рот его был занят бисквитом. Леня залпом допил кофе и, оглядев братьев, изрек:

– Тупицы.

– Поделись своим интеллектом, если такой умный. – Обиженно предложил Саша. Молодой банкир не любил шуток, унижающих его умственные способности. Он вообще больше всех страдал комплексом молодости. Его юный вид у коллег банкиров вызывал неоднозначную реакцию. Для солидности Саша даже носил роговые очки, хотя зрение его в коррекции не нуждалось.

– Сынки, хватит обсуждать человека в его отсутствие. Это, мягко говоря, неприлично. Я, как матушка, ставлю вам на вид. – Попыталась закрыть тему Ира.

– Нет уж, пусть договаривает, раз начал. – Настаивал обиженный Саша.

– Чего тут неясного? Юлик не знал, уломят девчонку или нет. Сами подумайте, он заявит к ней на остров и скажет (тут Леня перешел на английский): Я тебя люблю, собирайся, и поедим в самый красивый город мира под названием Глухов (после чего, вернулся на язык родной). Не знаю, как отреагирует красавица морячка.

– Ну, и что? – Тема уже дожевывал бисквит и мог принять участие в интересной дискуссии.

– А то... Господин мэр не пожелал рисковать своим достоинством. А так, вернувшись в одиночестве, ему не придется наблюдать наше унижительное сочувствие.

– А если рыбацка согласится? Жениться то Юлику рано. – Высказался Митя и сам смутился.

– Конечно, рано. – Поддержала парня Елена: – Но с другой стороны, сейчас дети ранние. Вот у меня в детском доме три паренька часто не ночуют. После отбоя в окно, а утром назад. А одному из них еще и шестнадцати нет. Я их вызывала, а они молчат и краснеют. Вот им действительно рано, а Юлик уже взрослый – мэром работает.

Голенев поморщился:

– Оставьте парня в покое, джентльмены. Давайте лучше подумаем, как проведем сегодняшний день? Я предлагаю подняться на Вороний холм и посоветоваться, что делать с нашим домом?

Саша, на сей предмет, уже имел свое мнение:

– Отец, там советовать не о чем. Пригнать бульдозер, сравнять все с землей и продать участок. Жить там никто не хочет. И в первую очередь, наша матушка и твоя жена. И мы все с Ирой согласны. Недаром народ считает этот холм проклятым местом.

Теща молодого банкира поддержала:

– Нельзя строить жилье на основании бывшего Храма. Кошунство это.

Голенев задумался:

– Да, я этического аспекта как-то не учел. – Елена едва сдержала улыбку. После Англии Голенев приехал совершенно другой. Раньше, если бы он вдруг сказал «я не учел этического аспекта» она бы удивлялась неделю. «Совсем другой человек» – продолжала размышлять Елена и неожиданно для себя предложила:

– Олег, а ты построй там церковь. В городе настоящей церкви нет. Нельзя же считать церковью часовню этой мерзкой Маки?

– Интересная мысль... – Заинтересовался Голенев: – Надо помозговать.

– Олег, мама права. Это будет классно! Большевики взорвали, а мы вернули. – Поддержала родительницу Ира.

– Я не возражаю, но дело серьезное, так за завтраком не решается.

В кармане Леонида задрожал мобильный. Он вынул трубку и через минуту разговора вскочил из-за стола:

– Почему вы, Захар Гаврилович, мне ночью не позвонили? Хорошо, сейчас еду.

– Что случилось, сынок. – Спросил Олег.

– Перед рассветом на городской отдел напали подростки. Два милиционера убиты, из КПЗ выпущены рыночные погромщики.

– Может, мне с тобой?

– Пока не надо отец. Если возникнет необходимость, я позвоню.

– Возьми мою машину. – И Голенев бросил сыну ключи.

– Что творится в нашем городе?! – Ужаснулась Елена: – Соловьевой больше нет, так теперь подростки бандитствуют. Представляете, три смерти за два дня!? Вчера утром на рынке, сегодня ночью милиционеры. Прямо Чикаго, а не Глухов.

– Дело дрань. – Согласился Голенев. – Но воевать с пацанами я не умею. На маленьких инвалидов еще в Афгане нагляделся. Там подростки тоже нам кровь портили, но стрелять в детей я и тогда не мог.

– А что делать, отец, если эти дети людей убивают? – Возмутился Митя.

– Если дети убивают людей, значит, что-то не так со взрослыми. – Ответил Олег и, закулив сигарету, вышел в сад.

Перед парадным городского отдела МВД собралась целая толпа – журналисты, родственники погибших милиционеров, просто любопытные. Молодой советник мэра с трудом пробился в здание. Служебного удостоверения ему еще отпечатать не успели, и с проходной пришлось звонить Белянчикову.

Поговорив с подполковником, Леня выяснил некоторые подробности ночного налета. К четырем утра к зданию городского отдела нагрянуло около полусотни неизвестных. Они, как и те на рынке, были одеты во все черное, но в этот раз воротники их водолазок оказались поднятыми выше подбородка, так что оставались наружи только часть носа, лоб и глаза. Старшина Вопянин, охранявший проходную, попытался преградить вход в помещение. Его изрешетили из автомата. На грохот пальбы из дежурки выскочил лейтенант Комин. Нападавшие и его тут же расстреляли. Затем, за считанные мгновенья злоумышленники похитили из дежурного помещения ключи, освободили рыночных погромщиков, и растворились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.